

A movie poster for the film 'Night of Innocence'. The central figure is a woman in a vibrant red, sleeveless, floor-length gown, looking thoughtfully to the side with her hand near her chin. To her left stands a man in a black leather motorcycle jacket over a dark red t-shirt, looking directly at the viewer. To her right is another man in a white shirt and a dark blue vest, looking off to the side with a serious expression. The background is a dark, gothic-style interior with arches, lit by purple and blue light. There are glowing candles at the bottom, and a faint, ethereal figure is visible in the upper right. A circular '18+' rating is in the top right corner.

18+

МАТИЛЬДА
АВАЛАНЖ

Ночью твоею
Невинность

Матильда Аваланж
Хочу твою невинность
Серия «Хочу твою любовь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428617

SelfPub; 2023

Аннотация

Днем я – обычная студентка, вечером – звезда кабаре, куда мужчины приходят только ради меня. Парни из моего колледжа и сенатор города далеко не единственные, кто мечтает меня заполучить. Но опаснее всего самый известный продюсер в нашей стране, который вернулся в наш городок после долгого отсутствия. Этот неотразимый мужчина втянул меня в свою странную и запретную игру. Что на самом деле ему нужно от меня?

Содержание

Глава 1. Звездный ветер	4
Глава 2. Добропорядочное семейство	27
Глава 3. Неожиданный визит	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Матильда Аваланж

Хочу твою невинность

Глава 1. Звездный ветер

– А теперь встань вот так, дорогуша! Сейчас мы превратим тебя в настоящего ангела!

Авроре ничего не оставалось, как послушно повернуться, давая матери возможность приладить к своей спине крылья из бумаги и искусственных перьев. Спротивляться натиску Бригиты Франсон было невозможно. На взгляд Рори, эти бу-тафорские крылья являлись в ее облике явно лишними, благо были они не такими уж и большими.

Девушка громко ойкнула и дернулась от боли, почувствовав между лопаток укол булавки, которой мать никак не могла присоединить дурацкие крылья к белому платью, в котором Аврора должна была выйти на сцену.

Платье Рори нравилось: с узкой талией, расходящееся книзу юбкой и рукавами-фонариками, оно было сшито из тончайшей, едва-едва переливающейся ткани, издающей при ходьбе приятный шелест. Правда, грудь можно было так сильно не обтягивать, и уж точно не цеплять к спинке самодельные крылья!

Но где уж ей спорить с матерью, которая несколько вечеров мастерила их из проволоки и других подручных материалов!

– Очаровательно! Ты прелестна! – с благоговением выдохнула Бригита, сложив руки на груди, когда по ее знаку Аврора покрутилась перед матерью, давая оценить свой облик со всех сторон. – О боже! Нет!

– Что случилось? Что не так, мадам? – Рори ужаснулась, когда умильное выражение лица Бригиты резко сменилось испуганным.

– Локон выбился! – фру Франсон прижала ладонь к округлившемуся рту, как будто узрела нечто кошмарное. – Придется переделывать! Быстрее, милочка, быстрее!

Цепко схватив Рори за плечи и пихнув ее в кресло, мадам принялась хлопотать возле нее, хотя ничего ужасного в нахально выпавшем из безукоризненной прически и повисшем около виска локоне явно не было. При этом мать особо не церемонилась, дернув гребешок, которым пряди Авроры были сколоты под затылком, с такой силой, что на нем остался порядочный клоч темно-рыжих волос.

– Вот так, так и так! – чирикала фру Франсон и ее полные униженные перстнями пальцы ловко летали над головой девушки. – Ты должна быть идеальна – господин Гельмут Мадсен сегодня тут! Он здесь лишь только для того, чтобы посмотреть на тебя. Кто бы мог подумать? Такая честь! Сам сенатор явился в «Звездный ветер» послушать мою дочурку!

Рори дернулась, благо это можно было списать на то, что как раз в этот момент фру Франсон, орудуя щипцами для завивки, захватила прядь у самого основания, обдав ее нестерпимым жаром. Аврору всегда коробило, когда приемная мать называла ее не «милочкой-дорогушей-деточкой», а «дочуркой» или, того хуже, «дочерью»... Дочкой...

Учитывая все обстоятельства удочерения Авроры четой Франсонов, это слово в устах Бригиты Франсон звучало по-настоящему циничной насмешкой.

– Ах, какой же мужчина этот господин Мадсен, какой мужчина! – восторженно щебетала приемная мать. – Не будь я замужней дамой, влюбилась в него без памяти! Одни его костюмы чего стоят! Говорят, их ему привозят из самой столицы. Какая элегантность, чувство стиля, безупречная мужественность! А парфюм! Если б ты знала, дорогая, какой потрясающий у него парфюм! – мечтательно закатила глаза фру Франсон. – Когда он был здесь в прошлый раз, я имела честь говорить с ним! Сам мистер Фальк меня ему представил! И знаешь, милочка, господин Мадсен спросил меня о тебе! Ты произвела на этого великолепного человека впечатление, могли ли мы поверить в такое счастье?

Пытаться возникнуть приемной матери – дело заведомо проигрышное, но тут уж Аврора удержаться не смогла.

– В чем же это счастье, мадам? – она поймала взгляд фру Франсон в отражении зеркала.

– Глупышка! – снисходительно усмехнулась Бригита, но

Рори уловила в ее голосе хорошо знакомые и опасные нотки. – Ты должна пищать от радости, что привлекла внимание такого уважаемого, солидного, обеспеченного господина. Дай бог, чтобы тебе удалось это внимание удержать!

– А может, сенатору Мадсену лучше обратить внимание на собственную жену?– Аврора вопросительно подняла брови, чувствуя, как внутри начинает подниматься волна злости.

Наказание не заставило себя долго ждать. Будто бы случайно приемная мать притронулась раскаленными щипцами к шее Рори, и сама закричала еще громче девушки:

– О господи, моя ты бедняжка! Ах, какая же я неосторожная! Больно, милая? Несчастливая девочка! Ну-ну, сейчас подую, так легче, малышка? А теперь смажем мазью – ожог в два счета заживет, завтра и не вспомнишь! Вот видишь, как нехорошо отвлекать маму глупыми вопросами! Что касается госпожи Мадсен – эта старуха и в подметки тебе не годится, крошка! И потом, когда двух людей связывает большое, красивое чувство, такие мелочи, как чей-то муж или чья-то жена вовсе не помеха.

От такого вероломства Аврора просто потеряла дар речи. Она, конечно, подозревала, что приемная мать в своих мудрых рассуждениях способна далеко зайти, но чтобы так...

Скажите пожалуйста, госпожа Мадсен у нее старуха! А то, что сам дражайший господин Мадсен недалеко от нее ушел, это ничего, да?

– Ты красавица! – приемная мать склонилась к Рори, доверительно и мягко зашептав девушке в самое ухо. – Высший сорт, цимус, а уж когда откроешь свой чудесный ротик, то и вовсе настоящий ангел. Твою утонченность и прелесть должен оценить по достоинству настоящий мужчина, достойный такой красоты. Человек, имеющий положение в обществе, крепко стоящий на ногах, во всех отношениях блестящий, неотразимый. И знаешь, моя кошечка, твое счастье, что в нашем захудалом городишке нашелся мужчина, способный оценить тебя по достоинству. Не забывай улыбаться! Господину Мадсену это понравится. А я пока посмотрю, какой столик он занял – будет ли ему достаточно хорошо видно тебя на сцене?

Приемная мать удалилась из примерки, оставив навязчивый запах своих духов. Рори склонила голову набок, разглядывая себя в зеркале, прямо в поверхность которого по всему периметру были вделаны круглые светодиодные лампы. Девушка улыбнулась совершенно неестественной, фальшивой улыбкой – настроения это не прибавило. Наоборот, захотелось сорвать торчащие из спины глупые ангельские крылья и швырнуть их прямо в свое отражение.

Господин Мадсен то, господин Мадсен это! Вот уже пару недель в их доме только и разговоров, что о сенаторе города, который в один из прекрасных (на самом деле проклятых всеми богами!) вечеров в сопровождении своей свиты заглянул на огонек в кабаре «Звездный ветер», в который Аврору

с лёгкой руки приемной матери взяли певицей.

Поначалу хозяин кабаре, господин Фальк, отнесся к ней весьма скептически, но, послушав Аврору, мнение свое изменил, а после вообще был доволен – девушка стала изюминкой заведения, завсегдатаи шли специально, чтобы послушать ангельский голос Авроры Франсон, и денежки в кабаре потекли рекой. Впрочем, самой Авроре от этого изобилия не доставалось ни кроны. Денежки шли в счет оплаты долга приемных родителей Рори перед господином Фальком.

И хотя это было возмутительно, Аврора молчала – она знала, что выбора у нее нет. Но смутные, пока невысказанные планы Бригиты Франсон в отношении Авроры и городского сенатора вызывали вполне ощутимую тревогу.

Что она там говорила про солидного обеспеченного мужчину, который должен оценить Рори по достоинству, про большое и красивое чувство? И тот факт, что сенатор почти втрое старше Авроры и притом женат, совершенно не смущает предприимчивую приемную матушку...

Рори готова петь в «Звездном ветре» хоть каждый вечер, даже пусть в ущерб учебе в колледже – ей и так с трудом удастся это совмещать, ну и пусть! Но вот улыбаться надутому, точно индюк, господину Мадсену – может мадам как-нибудь сама? Раз она так восхищена его костюмами и парфюмом...

Размышления Рори прервал Пит Фальк, сын хозяина заведения и по совместительству его правая рука. Весь персонал бара знает, что без Пита в «Звездном ветре» и мышь не

проскочит. Несмотря на то, что он всего на пару лет старше Авроры и даже учится вместе с ней в одном колледже, Пит Фальк, так же как и его отец, относится к элите их маленького городка. Рори для него, что человек второго сорта.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы обратиться к ней по-человечески, Пит кивнул на дверь с таким видом, будто вознамерился сию же секунду выставить Аврору за порог. Благо, хоть до имени её снизошел.

Высокий широкоплечий блондин с карими глазами и отстраненным выражением лица – в колледже его считали красавчиком и задавакой. Насчет первого Аврора еще могла поспорить – уж очень странно смотрелся этот контраст его светлых волос и темных глаз, а вот с последним была абсолютно согласна. Питер Фальк смотрел на остальных учащихся колледжа, как на пыль на своих ботинках. Неудивительно – уровень единственного в их городке учебного заведения, мягко говоря, был ниже среднего. Самые состоятельные жители города отправляли своих детей учиться в столицу. Но Пер-Ульф Фальк разумно рассудил, что своя рубашка ближе к телу – Питер был нужен ему для управления баром – и сыночка в Предьял не отпустил. Именно поэтому Фальк-младший вынужден был посещать учебное заведение для отпрысков низших слоев населения города, чему, очевидно, особо рад не был.

Поначалу перед ним пытались заискивать, набивались к богатенькому в друзья, затем, когда не получилось – стали

задирать, но все как об стенку горох. В конце концов, Пита Фалька просто оставили в покое, что для их колледжа, в принципе, было редкостью. Он каким-то волшебным образом сумел себя так поставить, что к нему не цеплялись даже самые конченные ученички их милого учебного заведения.

Аврора сухо сказала «Спасибо, я иду» но, не рассчитав аэродинамических свойств своего сценического костюма, проходя мимо, задела Питера крылом по плечу. Раздался треск, но каким-то чудом крылья удержались на месте. И слава богу! Кто знает, какими были последствия со стороны приемной матушки, посмей Рори выйти на сцену без них?

Впрочем, через несколько секунд все забылось. Как будто глядя на себя со стороны, Аврора вышла на сцену, стилизованную под подмости. Зрительный зал с его многочисленными столиками тонул во мраке. И сейчас Рори, хоть убей, не смогла бы разглядеть в этой темноте господина Мадсена и, как настоятельно советовала ее приемная мать, смотреть на него и посвящать все свои песни только ему. Спроси ее в этот момент, кто такой господин Мадсен или даже кто такая Бригита Франсон, девушка нахмурилась, покачала головой и отмахнулась.

Едва зазвучали первые аккорды музыки, все мысли исчезли, растворились, канули в небытие. Прикрыв от ослепляющего блеска софитов ресницы и забыв обо всем на свете – о том, где она находится и сколько пар глаз на нее смотрит, Аврора запела.

Она заранее договорилась с музыкантами, с чего именно они начнут. Выбор для кабаре, куда люди пришли развлечься, отдохнуть и не думать о грустном, прямо сказать, не самый удачный. Не исключено, что после этого Рори достанется не только от маменьки, но и от Пита Фалька, который придирчиво следил за репертуаром.

Это была старинная и очень печальная баллада о нищем юноше, полюбившем дочку богача, у которого он работал. Так как девушка и не думала отвечать взаимностью, а только насмехалась, раздираемый страстью молодой человек продал душу дьяволу за любовь красавицы. Разумеется, сделка с нечистым ни к чему хорошему не привела: после одной проведенной вместе с возлюбленной ночи дьявол явился за душой парня. Красотка-богачка, не выдержав всего произошедшего, повредила в уме.

Аврора пела, грациозно поводя руками в такт. Поначалу более медленная и спокойная, к финалу мелодия разошлась, давая слушателям возможность почувствовать весь трагизм, а ей – использовать весь почти все возможности своего голоса.

Волшебные, волшебные минуты, когда ее голос словно наполнялся какой-то магией, заставляя сердце замирать от счастья. Каждый раз, когда она пела, все тревоги и заботы, все посторонние думы уходили – Аврора чувствовала себя такой спокойной, такой целостной и такой... сильной.

Когда замерли последние аккорды баллады, Аврора как во

сне, изящно поклонилась, не сдерживая счастливой улыбки. Зал осветили – теперь она могла увидеть рукоплещущих ей посетителей кабаре. Ни тени недовольства публики оттого, что Аврора вышла со странной и трагичной балладой. Лишь восторг, лишь восхищение, лишь бурные овации.

Рори в глаза бросился столик на галерее второго этажа, за которым восседал сам господин Мадсен. Рядом с уважаемым сенатором города девушка с неудовольствием углядела свою приемную мать, которая прикоснулась указательными пальцами к уголкам губ.

Аврора послушно улыбнулась Мадсену, глазеющему на нее, как обжора на выставленный в витрине торт и тут обратила внимание на вип.

Мало кто знал, но в кабаре было особое место, столик, который администрация всегда оставляла для особо важных гостей. Например, если б в «Звездный ветер» сподобился заглянуть сам мэр города или его жена. Или какая-нибудь столичная знаменитость, взбреди ей в голову посетить их городишко и заглянуть в кабаре. Пожалуй, по своему статусу мистер Мадсен заслуживал этого виповского стола, даже удивительно, почему Пит Фальк, который помимо прочих своих обязанностей, находился еще и на хостесе, не отдавал этот столик ему.

В общем, на памяти Авроры вип-стол всегда пустовал.

Но не сегодня.

Сегодня за ним сидел мужчина, разглядеть которого не

представлялось возможным, так как вип располагался таким образом, что практически был скрыт во мраке, в то время как из-за него прекрасно просматривался весь зал и сцена. Аврора могла поклясться, что почувствовала на себе пристальный взгляд, чем-то отличающийся от всех остальных, и даже от взгляда самого господина Мадсена, но любопытство лишь на мгновение вспыхнуло в ней, после чего Рори сразу забыла о таинственном випе.

Она, как всегда, выложилась по полной, уже не обращая внимания на конкретные лица среди публики и не думая ни о чем. Два часа непрерывного пения с совсем коротеньким десятиминутным отдыхом в гримерке. Смутно понимая, что приемная мать обязательно влезет и начнет щебетать об господине Мадсене, за столиком которого она так удачно оказалась, Аврора заперлась изнутри, решив, что потом скажет, будто дверь заклинило. Видеть Бригиту Франсон сейчас категорически не хотелось.

Просто отключившись от мыслей о ней и от остальных не особо радужных мыслей, Аврора пела еще около часа, чтобы в конце выступления сорвать не просто аплодисменты, а овации, еще более бурные, нежели те, что посетители кабаре подарили ей после баллады про сделку влюбленного парня с дьяволом. Сполна насладившись обожанием публики и ответив ей чарующей улыбкой, Рори покинула сцену со странным ощущением, будто только что разгрузила целый вагон с маленькими пушистыми котятками. Это была усталость и

особенное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Но Бригита Франсон не была Бригитой Франсон, если б, подобно кровожадному упырю, не набросилась на Рори прямо перед дверью гримерки.

– Моя милая, ты была великолепна! Такой успех! Господин Мадсен в восторге от тебя! Ты только посмотри, какую прелесть он тебе прислал!

В этот момент выяснилось, что к приемной матушке прилагался некий тип с огромной охапкой роз. Розы были кроваво-красными, а взгляд типа добродушно-заискивающим.

– Господин Оберг – доверенное лицо сенатора, – лучась от счастья, проговорила Бригита. – Но это еще не все, Аврора! Господин Мадсен...

– Господин Мадсен восхищен вашим голосом, который может сравниться лишь с вашей красотой, мисс Франсон, – бесцеремонно перебил помощник сенатора, даже не взглянув на приемную мать. – И он хотел бы выразить вам свой восторг лично.

– Прошу простить меня, но боюсь, сейчас я не в том состоянии, чтобы оценить выказанную мне господином Мадсен честь, – стараясь, чтобы голос звучал вежливо, проговорила Рори. – Передайте от меня ему огромное спасибо за эти розы. Они очень красивы!

– Ах, извините ее, господин Оберг, просто моя дочь немного устала! – ослепительно улыбнулась Бригита. – Само собой разумеется, сейчас она придет! Можете так и передать

господину Мадсену!

И с низким поклоном поспешила скрыться в гримерке, куда минутой раньше вошла Аврора.

– А сейчас ты пойдешь к сенатору и будешь с ним любезной! – поговорила приемная мать и в ее голосе, до этого таком сладком и обволакивающим, зазвучала сталь.

Аврора молчала, пытаясь открепить крылья от своего белого платья.

– Аврора! Ты оглохла, Аврора? Ты заставляешь господина Мадсена ждать! Аврора!

Навязчивое повторение своего имени действовало на нервы. Она понимала, что мать не отстанет, как понимала и то, что возражать ей бесполезно.

– Нет! – воскликнула Рори, справившись с треклятыми крыльями и швырнув их на софу.

– Что ты сказала, хамка? – прошипела мадам Франсон. – Забыла, на каких условиях мы тебя удочерили? Забыла, что обещала слушаться? Делать все, что велят? Или хочешь к своему настоящему папочке?

В горле встал ком, который Аврора никак не могла проглотить.

– Нет... – выдохнула Рори и ее нежный ангельский голос прозвучал хрипло и грубо, как у глубоко простуженной.

Видя, что бунт подавлен в зародыше и ее воле ничто не угрожает, Бригита поспешила надеть маску заботливой и чуткой матери.

– Моя милая, девочка, ангел, мы сейчас в слишком бедственном положении, и, боюсь, скоро все станет еще хуже! – ласково пропела Бригита, заботливо поправляя якобы выбившуюся из прически Авроры прядь. – И это не говоря о нашем долге господину Фальку! Надеюсь, ты помнишь, что именно на его деньги мы смогли купить уютный и комфортабельный дом, в котором живем? Содержать его стоит немалых средств, а в прошлом месяце господин мэр поднял налог на недвижимость! Ну пойми, кошечка, у нас нет иного выхода!

Аврора понимала. Поэтому, ни слова не говоря, вышла за дверь. В коридоре она столкнулась с Питом Фальком, ожидая, что он выскажет ей из-за неправильно подобранного репертуара, но Фальк промолчал, мазнув по ней долгим взглядом, как ушатом ледяной воды окатил.

Да, когда-то она поступила очень глупо, и поэтому сейчас у нее нет выхода. Она обязана подчиниться. Обязана, на веки вечные теперь обязана...

– Счастлив лицезреть твою неземную красоту, душенька! Вблизи ты еще красивее! – сразу перейдя на панибратское «ты», проговорил господин Мадсен и приложился мокрыми губами к ее руке. – Хочешь чего-нибудь выпить? Шампанское? Вино? Или что-то покрепче? Такое шикарное выступление не грех и отметить!

Гельмут Мадсен был крупным, уже немолодым усатым мужчиной лет под шестьдесят с объемным брюшком и вну-

шительной лысиной, нелепо прикрытой тремя зачёсанными набок прядями волос. Но особого внимания заслуживало облачение сенатора: алый бархатный пиджак, в изобилии украшенный золотым шитьем, золотистый шейный платок и бордовая рубашка, узкий воротничок которой туго обхватывал его морщинистую шею. Он благодушно улыбался, но маленькие хитрые глаза так и ощупывали все изгибы тела Рори, как будто он хотел представить, какая она там, под платьем...

Чем Аврора сильнее отказывалась, тем настырнее становился Мадсен, и, в конце концов, налил ей игристого.

– Ну-ну, не отказывайся! Немножечко... – сенатор, ухмыляясь, протянул девушке бокал. – За такое знакомство ведь и выпить не грех! У тебя потрясающий голос. Вечно готов слушать дивные звуки, что издаются из этого чудесного маленького ротика! Ты – настоящая сирена, тебе кто-нибудь такое говорил? Знаешь, кто такие сирены?

– Нет, – сквозь сжатые зубы процедила Аврора.

Разумеется, где ж ей знать-то? Она – безмозглая певичка, которой в довесок к голосу вряд ли достался головной мозг!

– Это прекрасные девы, которые соблазняли мореплавателей своими волшебными голосами, – закуривая поданную ему Обергом сигару, снисходительно пояснил Мадсен. – Вот только, увы, нижняя часть тела у них была птичьей. У тебя-то все с этим в порядке, а, красотуля?

Случайно вдохнув вонючий дым сигары, Аврора закашля-

лась. Переглянувшись с хозяином, Оберг придвинул ей стакан воды, но Рори было противно его касаться. Она уже хотела встать, но тут Мадсен, вальяжно откинувшись в кресле, протянул:

– Слушай, малышка, а спой-ка «Девочки такие девочки»? Лично для меня сейчас споешь?

Шок длился секунды две, после чего Аврору перекосило. Песня была отвратительная, про однополую любовь, но вкус Мадсена ее почему– то совсем не удивил.

– Сегодня я больше не пою, – девушка резко поднялась.
– Мисс Франсон, господин сенатор очень просит! – улыбчиво проговорил Оберг, удерживая ее. – Он заплатит, сколько скажете! «Девочки такие девочки»! Господин Мадсен просто обожает ее!

– Этой песни нет в моем репертуаре, – вырвав руку, отрезала Рори и тоном, далеким от вежливого, добавила. – Очень... приятно было пообщаться с вами и с господином Мадсеном, но мне пора. Хорошего вечера!

Когда девушка проходила мимо виповского столика, то наскочила на какого-то мужчину. Не глядя, она извинилась и чуть ли не бегом бросилась прочь. Впечатление от общения с городским сенатором, как того и следовало ожидать, было не самым приятным... Если честно, просто отвратительным!

– Ну, как все прошло? Ты была с ним мила? – сразу же набросилась на Рори приемная мать.

– Прекрасно, – лаконично отозвалась Аврора и принялась

стягивать с себя белое платье, которое теперь почему-то казалось ей грязным.

Впрочем, никаких надежд, что Бригита Франсон останется в неведении по поводу того, что произошло, девушка не питала.

Карающая длань настигла Аврору в фойе, когда она натягивала вязаную шапку на свои темно-рыжие волосы, из которых уже вытащила гребень и все шпильки. Приемная мать, которая немного задержалась (явно для того, чтобы узнать подробности встречи Рори и сенатора), ураганом налетела на Рори, схватила ее за плечи и буквально вжала в стенку.

– Ты нахамила ему, дрянь! Не спела песню, которую он хотел!

– Я ее не знаю, – пробормотала Аврора, покосившись на Пита Фалька, который, как назло, тоже вышел в фойе.

Больше всего на свете Рори не хотелось, чтобы кто-то слышал этот унижительный разговор, а уж тем более сын хозяйки на кабаре.

– Не знаешь? – в неконтролируемой ярости Бригита Франсон ударила Аврору по щеке. – Сам сенатор оказал тебе такую высокую честь! Ты должна была быть с ним любезной! Слышишь ты? Лю-без-ной! А уж теперь-то он явно не захочет связываться с такой хамкой, как ты! Ты все испортила! Абсолютно все!

Прижав ледяную ладонь к горячей щеке, Аврора, отвернувшись от Пита Фалька, который, наверное, наслаждался

этой безобразной сценой сполна, быстро прошла к дверям.

На крыльце кабаре мать закурила длинную тонкую сигарету, пуская колечки дыма в холодное ночное небо.

Февраль только начался, и обещал быть крайне суровым – ночью температура опускалась до тридцати градусов.

– Все равно ты уступишь, девочка, – проговорила Бригита Франсон, глубоко затянувшись. – Как уступала всегда. Ты приглянулась сенатору. И ты дашь ему все, что он пожелает! Пошли к машине... деточка.

От ее слов на Аврору повеяло такой безнадежностью, что девушка, низко опустив голову, изо всех сил постаралась избавиться от набросившихся на нее мрачных мыслей. Теперь окончательно ясно, куда клонит Бригита и это так омерзительно, так противно, что даже не укладывается в голове.

Зато около машины приемную мать ждал сюрприз – а именно отсутствие таковой. Непонятно правда, кто польстился на автомобиль мадам Франсон, но факт оставался фактом – старенький опель со стоянки кабаре бесследно исчез, причем даже камеры видеонаблюдения не зафиксировали факта его исчезновения. Просто когда рядом с ним парковалась другая машина, он был. Но эта самая машина закрыла его собой и когда она отъехала – опеля на месте уже не было.

С тоской наблюдая, как разоряется приемная мать, бегая по темной и холодной парковке, Аврора накинула капюшон куртки, так стала уже порядком замерзать. Как назло, она

еще перчатки забыла, и теперь терла ладони, пытаясь отогреть леденеющие пальцы. Танцы с бубном Бригиты Франсон не имели совершенно никакого смысла, смысл имело позвонить в полицию, а потом вызвать такси. Когда-то же эмоции ее отпустят, и она догадается это сделать?

Но, как выяснилось, Рори недооценила свою дальновидность своей приемной матери. Вдоволь набегавшись и накричавшись в том духе, что «подонки, угнавшие ее опель, кровавыми слезами умоются», Бригита сгенерировала по-настоящему блестящую мысль:

– Вот что – сейчас ты пойдешь к господину сенатору, со слезами скажешь, что у нас украли машину и попросишь денег на такси. Потому что на такси у нас действительно нет – моя сумка вместе с кошельком была в машине!

– Что? – Рори откровенно засмеялась нелепости ситуации. – Нет! Я лучше пешком пойду!

– Не хочешь? Ладно, – легко согласилась Бригита. – Тогда я сама попрошу взаймы от твоего имени. Неужели не понимаешь, что это наш шанс исправить ситуацию? Мужчины любят помогать девушкам, оказавшимся в бедственном положении! Это вас сблизит. Я уже не говорю о том, что необходимость вернуть долг – отличный повод для следующей встречи.

Аврора прикрыла глаза ладонью. Всякий раз, когда ей казалось, что хуже быть уже не может, приемные родители проявляли прямо-таки чудеса изобретательности. И ведь Бриги-

та без капли стыда действительно пойдет к Мадсену! И, не стесняясь, попросит у этого противного самодовольного индюка денег!

Но в тот момент, когда девушка готова была разрыдаться от злости, кто-то окликнул Бригиту по имени.

Незнакомый мужчина вышел из темноты, слегка улыбаясь, как будто был очень рад этой неожиданной встрече, и Аврору тотчас пронзило воспоминание – это он сегодня занимал столик-вип и с ним она столкнулась, когда бежала прочь от Мадсена.

Но, самое удивительное, при виде этого человека, только что недовольное и жесткое, лицо Бригиты Франсон смягчилось и расцвело:

– Гэбриел! О господи, Гэбриел, ты ли это? Какими судьбами в наши края? Помнится, уезжая в столицу, ты говорил, что никогда больше не вернёшься в эту крысиную дыру?

– За прошедшее время я несколько пересмотрел свои взгляды, – усмехнулся мужчина, как будто чему-то своему.

На вид ему лет сорок, а, может, и чуть больше. Несмотря на холод, он без шапки, видимо, с ее функцией как-то справляется поднятый воротник длинного черного пальто. У него черные волосы, темно-синие глаза и, вот удивительно, несмотря на то, что черты лица знакомого приемной матери можно назвать приятными и располагающими, в то же время есть в нем что-то настораживающее, что-то странное, что-то неуловимое и... тяжелое.

– Авророчка, ты не поверишь! – чирикала меж тем приемная мать. – Это же Гэбриел, брат твоего любимого папочки! Твой дядя, моя милая! Ах, он не был в Гарвен-Гроув целую вечность!

– Если мне не изменяет память, на момент моего отъезда у вас с Азриэлем был сын, а не дочь, – заметил Гэбриел, с интересом разглядывая Рори.

– Авророчка наша приемная доченька, но мы любим ее, как родную, – проговорила Бригита, приобняв девушку. – Такая печальная история... Ее отец, он... злоупотреблял спиртным. Жизнь бедной девочки в его доме была похожа на ад! Как же хорошо, что все кончилось, правда, милая? Послушай, Гэб, ты просто обязан поехать сейчас к нам! Азриэль будет счастлив тебя видеть! Расскажешь о себе. Ты не женился, случаем? Я умираю от любопытства! А ты где остановился? Можешь пожить у нас, мы будем счастливы тебя приютить.

– С удовольствием приму твое приглашение, Бригита! Я буду несказанно рад увидеть своего драгоценного брата, – улыбнулся Гэбриел, но в этой приятной улыбке Авроре почудилась насмешка. – Но только не сегодня – у меня кое-какие дела. Я остановился в Хелиос Парке, потому не стоит беспокоиться – не хочу вас стеснять своим присутствием.

– В Хелиос Парке? – название самого шикарного отеля в их городе явно произвело впечатление на приемную мать. – Да там бешеные цены! Зачем такие ненужные траты? Мы бу-

дем рады, если ты поживешь у нас! У нас, конечно, не Хелиос Парк, но вполне себе комфортабельный дом...

– А, не беспокойся, – махнул рукой Гэбриел и добавил. – Я тут услышал, у вас произошла неприятность...

– Какие-то подонки угнали мою машину! – тут же подхватила Бригита, легонько всхлипнув. – А я еще, дура, оставила там свою сумку со всеми документами, кредитками и наличностью – боялась, что в кабаре утащат! Теперь нам даже не на что вызвать такси, Гэб! Наверное, придется идти домой пешком...

– Бри, дорогая, неужели я не протяну вам руку помощи в этой ужасной, ужасной ситуации? – Гэбриел достал бумажник, не глядя, вытащил из него несколько купюр и протянул приемной матери. – Этого хватит?

Бросив беглый взгляд на красные бумажки, которые только что перекочевали в цепкие руки Бригиты Франсон, Аврора с удивлением поняла, что там хватит не только на такси до дома, но и на половину новой машины!

– Ты с ума сошел, Гэбриел, тут слишком много! – голос приемной матери прямо-таки дрожал от жадности. – Мы просто не сможем расплатиться!

– Брось, ведь родственники должны помогать друг другу, не так ли? – отмахнулся новоявленный дядя. – Можешь рассчитаться со мной вкусным ужином... Ведь ты не растеряла свои кулинарные навыки?

– О, разумеется, Гэб, нет! – Бригита была на седьмом небе

от счастья, что отдавать ему эти деньги, похоже, не надо. – Мы очень, очень ждем тебя в гости!

Пока приемная мать набирала номер такси и диктовала адрес, Гэбриел взял рукой в кожаной перчатке холодную кисть Авроры, но вместо того, чтобы стандартно поцеловать, легонько выдохнул на тыльную сторону ладони.

– Приятно было познакомиться, Аврора.

Его дыхание странной теплотой разлилось по коже и почему-то сразу согрело ее заочеченувшую руку без перчатки.

– Мне тоже... – как во сне сказала она.

Глава 2. Добропорядочное семейство

Ужин в доме Франсонов неприкосновенен. Вся семья, оставив в сторону дела, обязана собраться за столом в гостиной, чтобы оценить по достоинству стряпню мадам Франсон. Бригита и впрямь прекрасно готовила. Удивительно, но из самого простого и бюджетного набора продуктов она могла сотворить настоящий кулинарный шедевр. Аврора не раз слышала, как приемные родители рассуждают об открытии собственной столовой, но для того, чтобы купить или даже просто снять помещение и получить пищевую лицензию, нужна была крупная сумма денег, которой в данный момент у Франсонов не было.

Именно для ужина Бригита оставила сногшибательную, по ее мнению, новость, что в городе объявился брат ее мужа, да еще и так просто, с барского плеча ссудил ей внушительную сумму денег.

Поначалу мадам в красках рассказала, в каком бедственном они с Авророй положении оказались, когда на парковке обнаружилось, что опель угнали! Азриэль Франсон был в не меньшем негодовании, чем жена, прибавив, что полиция (в которую к этому моменту Бригита уже успела заявить), ни

черта не найдет, так как все полицейские либо сами те еще негодяи, либо рохли. Никогда еще Рори не слышала из его уст ничего более самокритичного.

– Ни за что не догадаешься, любимый, кого мы с Авророчкой встретили на парковке и кто дал нам денег на такси! – воскликнула Бригита, подавая к столу сладкий чай и пирог с рыбными консервами. – Это был Гэбриел! Собственной персоной!

– Братец? – приемный отец так и замер над пирогом. – Этот подонок?

Уточнение Азриэля показалось донельзя смешным Чаду, родному отпрыску Франсонов, который был ровесником Пита Фалька и даже учился с ним в одной группе. Непрожеванные куски пирога полетели из его рта в разные стороны, в том числе на кусок Авроры, которая сидела напротив Чада.

Девушка брезгливо отставила в сторону свою тарелку, чем окончательно рассмешила сыночку Франсонов. Реакция приемного отца на новость о приезде в город его брата была, мягко говоря, не совсем такой, как девушка ожидала.

– Ну, почему сразу подонка? – заохала приемная мать. – Просто Гэбриел всегда был... не таким, как мы...

– Не таким, как мы? – повысил голос приемный отец – видимо, упоминание о брате задело его за живое. – Да этот ублюдок вечно считал себя пупом земли! Высокомерный сволочной урод, ему всегда доставалось самое лучшее! Когда мы учились в колледже, лучшие телки гроздьями на нем

висели, чем он их так привлекал, скажи мне, а?

– Между прочим, я не вешалась на Гэбриела Франсона, – поджала губы мать.

– Потому что он на тебя бы и не посмотрел, – хрипло захохотал отец. – Интересно, что ему понадобилось в родном городе? Поди, прокутил все свои миллионы и побежал домой, поджав хвост!

Эта мысль настолько понравилась Азриэлю, что на лице его расплылась довольная улыбка и он принялся с аппетитом поедать рыбный пирог.

– Он не походил на человека, которому прищемило хвост, – задумчиво протянула Бригита, сделав вид, что не заметила грубости в свой адрес. – Остановился в Хелиос Парке и дал мне пять тысяч крон на такси!

– Да это он, сукин сын, пыль в глаза пускает! – перебил отец, и тут до него дошло. – погоди, дал тебе пять тысяч? Надеюсь, ты пригласила его к нам на ужин?

Рори внимательно прислушивалась к разговору, так как ей было любопытно побольше узнать о брате приемного отца. Судя по всему, он был личностью довольно интересной. Но девушка понимала – если она переспросит, они замнут эту тему и больше ничего не расскажут. К счастью, сам того не зная, ей на помощь пришел Чад, уловивший только одно слово – «миллионы»:

– А что, папа, твой брат правда миллионер?

– Да пес его знает! Но похоже на то, – мрачно проговорил

Азриэль, открывая банку пива, заботливо принесённую женой. – С той поры, как он свалил из нашего городишки, я его не видел. После выпуска он уехал пытаться счастья в столицу и, черт побери, у этого ублюдка получилось! Через пару лет я прочитал о нем в каком-то глянцевоm журнале – он стал известным продюсером... Поди имеет этих сладких цыпочек, которые мечтают стать звездами, направо и налево! Как всегда в шоколаде, чертов мерзавец!

– Продюсером? – тут уж Аврора, в семейном кругу стараящаяся привлекать к себе как можно меньше внимания, не выдержала, как ни приказывала себе молчать – уж слишком сложно было поверить в сказанное приемным отцом.

– Да, детка, – Азриэль посмотрел на нее слегка осоловелыми глазами и сделал Бригите знак открыть ему еще пива. – Что, уже размечталась, что мой золотой младший братик сделает тебя известной певицей?

– Нет... Конечно, нет! – Рори благоразумно отвела взгляд. – Просто странно, почему вы с ним не общаетесь...

– Вот именно! – неожиданно поддержал Чад. – Пусть этот богатей поделится денежками с нами! Ему одному, поди, такого богатства много!

Это восклицание вызвало в отце семейства целую бурю эмоций. Азриэль Франсон, слава богу, отвлекшись от Рори, брызгая слюной, принялся кричать о честном трудовом хлебе простого рабочего человека, о том, что он никогда в своей жизни не будет лизать богатенькому зарвавшемуся брат-

цу ботинки и все в подобном духе. Тут-то молчаливо убирающая со стола Бригита Франсон и нанесла мужу ответный удар, причем обращалась она исключительно к Чаду:

– После того, как мы увидели Гэбриела в какой-то передаче и поняли, что он действительно не бедствует, твой папа позвонил ему с просьбой немного помочь... материально. На тот момент мы как никогда нуждались в помощи – нам как раз не хватало на новый телевизор! Но он лишь посмеялся над нашей нуждой... Пришлось занимать – иначе бы чудесный Самсунг достался этим противным Арвидам!

– Проклятый Гэбриел! – приемный отец стукнул ладонью по столу, и пустая алюминиевая банка из-под пива подскочила, а потом упала под стол. – Ладно бы, еще соврал, что сам сейчас на мели или еще что-нибудь! А это прямо так и сказал – что деньги у него есть, и большие, черт его раздери, деньги – такие, что мне и не снились. Но он их мне не даст чисто из принципа! Принципиальная мразь!

– Возможно, Гэб раскаялся и приехал как раз, чтобы помириться с тобой, дорогой, – заметила Бригита, поднимая упавшую банку. – Он был со мной очень любезен. И даже сказал, что рад будет тебя повидать.

– Да пошел он! – выпалил Азриэль и опустил крепко сжатый кулак на столешницу.

Милые вечерние семейные посиделки подошли к концу, а значит, Рори можно ретироваться в свою комнату. Она понимала, что ее комната – никоим образом не ее крепость, и

даже точно знала, что в ее отсутствие туда заходит и роется в ее вещах не только приемная мать, но и Чад... И все-таки погружаться хотя бы в иллюзию собственного, хоть как-то отгороженного от приемных родителей и их сына, мирка было утешительно.

Обиталище Рори напоминало не что иное, как место для проведения новогодней вечеринки, только елки не хватало. И стены, и потолок, и даже кованная спинка кровати были увешаны, обвешены, обвиты гирляндами, которые она включала с наступлением сумерек, а выключала после рассвета.

Дело было в том, что Аврора панически, до судорог и неконтролируемой истерики боялась темноты. Причем проявлялась эта фобия своеобразно – Рори прекрасно чувствовала себя в полумраке, когда темнота была разбавлена какими-то источниками света, даже небольшими – вроде огоньков гирлянд или маленького торшера на прикроватной тумбочке. В конце концов, она выступала в кабаре, где иногда тушили все освещение, оставляя лишь один прожектор, направленный только лишь на нее и чувствовала себя совершенно спокойно.

Но, стоило Авроре оказаться в кромешной тьме, самообладание полностью покидало ее, и она превращалась в забитое, трясущееся, паникующее существо, единственным стремлением которого было найти источник света.

Она постаралась исключить возможность столкновения со своим страхом лицом к лицу: спала исключительно со сво-

ими гирляндами и всегда таскала в сумке фонарики. В принципе, этих мер незатейливых мер хватало, чтобы чувствовать себя спокойно и даже на какие-то промежутки времени забывать о своей боязни.

Зато беспокойно чувствовала себя матушка, и одно время затащила Аврору к школьному психологу с целью избавиться от противной особенности. Причиной, как подозревала Рори, было не желание помочь, а недовольство тем, что Аврора тратит слишком много электроэнергии.

Она боялась, что психолог окажется каким-нибудь мозгоправом, который бесцеремонно полезет в ее голову, но нет. Это была приятная женщина, с которой Рори на удивление приятно пообщалась. На самом первом занятии она, совсем как гадалка, попросила Аврору, не задумываясь, выбрать одну карту из специальной колоды.

Рори вытащила совсем безобидную, на которой был нарисован маленький мальчик, пришедший в игрушечную лавку. Однако при внимательном рассмотрении оказалось, что не все с этой карточкой так просто: мальчик стоял у входа, на свету, а прилавок с продавщицей находились в полумраке. Мальчику не было видно, что за прилавком у продавщицы находятся некоторые предметы, которых в игрушечном магазине быть явно не должно. Какие-то ржавые щипцы, крючки, плоскогубцы еще можно было как-то объяснить, но вот с огромным ножом, который улыбающаяся мальчику продавщица держала за спиной, явно были вопросы.

Они с психологом немного поговорили об изображении на карточке, причем Рори вполне себе складно попыталась объяснить, что продавщица не имеет злых намерений, инструменты нужны для починки сломанных игрушек, а ножом она хочет перерезать нитку одного из шариков, чтобы подарить его мальчику...

Но затем в углу, под прилавком Рори разглядела слабо прорисованный силуэт лежащей девочки с выколотыми глазами, после чего оставила свои попытки представить изображенное с положительной точки зрения.

Продавщица была маньячкой, которая заманивала мальчика в ловушку...

Впрочем, психолог сказала, что выбор этой карточки не означает ничего ужасного, просто раскрывает страх Рори – она боится того, что якобы может прятаться в темноте. На самом деле страх темноты – это очень распространенная, можно сказать, банальная фобия, которой страдают аж десять процентов всего населения планеты. Если Аврора будет осознавать ее и ясно отдавать себе отчет в происходящем с ней, то ее никтофобия со временем сойдет на нет.

В общем, это были располагающие и интересные беседы, Аврора бы даже продолжила ходить к этой женщине со спокойным голосом и теплым взглядом, но когда она окончила школу и поступила в колледж, занятия прекратились.

Терапия помогла – Рори действительно стала чувствовать себя спокойнее (правда, своих гирлянд, несмотря на все

недовольство матери, так на ночь и не выключала). Но с тех пор прошло три года – беседы с психологом стерлись из памяти, поблекли, и страх заговорил о себе вновь.

Аврора смогла в этом убедиться в один прекрасный вечер, когда принимала ванную, а свет вдруг возьми, да погасни. Она сразу поняла, что это дело рук Чада. Он не просто хотел подшутить – расчет был на то, в дикой панике Аврора выскочит из ванной комнаты голой, лишь бы добраться до заветного выключателя.

Такого удовольствия Рори своему доброму старшему брату не доставила – спасибо дурацкой привычке всюду таскать с собой карманный фонарик. Даже в ванную!

Но те полминуты в замкнутом пространстве и крошечной темноте, в течение которых она пыталась его нащупать на пуфике под полотенцем, были самыми жуткими за все то время, которое она жила в семье Франсонов. Жалкие крохи самообладания удержали Рори от того, чтобы в истерике не забиться о стены ванной или, на радость Чаду, не выскочить в коридор голышом.

С того времени Аврора всегда брала с собой в ванную фонарик и следила, чтобы Чад не подменил его на неисправный. Выглядело это, конечно, по– дурацки, зато она могла быть совершенно спокойной – с Чадом всегда нужно было держать ухо востро.

Например, сейчас.

Хотя мысли ее были заняты совершенно другим – а имен-

но тем, как далеко готова зайти приемная мать в своем неприкрытом стремлении подложить ее под сенатора, закрывая за собой на задвижку дверь ванной, Аврора машинально вспомнила взгляд Чада за ужином. Было в нем что-то такое... Такое предвкушающее.

Не иначе, как подстроил очередную подлость и нетрудно догадаться, с чем она связана. Труднее понять, что именно он задумал...

Ванную в доме Франсонов Аврора любила. Обожала просто. Во-первых, потому что могла там запереться и создать еще одну иллюзию отгороженности ото всех. А во-вторых, потому что это была отлично освещенная и просторная комната, блестящие поверхности которой отражали многочисленные источники света, разбросанные по ней, что делало комнату еще более светлой. И это не говоря о нежных кремовых тонах, в которых ванная была оформлена и симпатичном панно с фиалками.

Аврора распустила свои собранные в хвост медно-рыжие волосы и, опершись об раковину, приблизила бледное мрачное лицо к зеркалу. Если Бригита Франсон будет стоять на своем (а она будет стоять, так как уже почуяла вкус денег господина Мадсена) придется идти на крайние меры.

Бежать? Франсоны из-под земли ее достанут и вернут в лоно семьи... Не зря ее прелестный и добродушный приемный папочка, который так разорялся за столом по поводу своего брата, вот уже много лет занимает должность помощ-

ника шерифа полиции. Мало того, что ее найдут, так попытка к бегству станет козырем в руках приемной семьи. Мол, Аврора дика и асоциальна, в школе посещала психолога, а они добрые, хорошие и чуткие, пытаются любовью и заботой исправить дурной характер бедной девочки с нехорошими генами.

Наверное, единственный для нее выход – как-то сделать так, чтобы господин Мадсен потерял к ней интерес...

Превратить, что ли, себя в дурнушку? Как-нибудь нелепо остричь волосы, забыть о платьях и обтягивающих джинсах, а перед встречей с ним (если матушка такую же запланирует) наесться до отвала лука и чеснока!

От последней мысли Рори хихикнула и настроение немного поднялось. Конечно, это все детские, невинные уловки, но на войне все средства хороши!

Мурлыкая себе под нос какую-то песенку, Аврора пуговка за пуговкой расстегнула свою рубашку и осталась в одном черном кружевном лифчике, который, собственно, тоже принялась расстегивать. Но что-то заставило ее остановиться и даже придержать спадающий с груди лиф руками, а потом и вовсе набросить рубашку обратно.

Уж слишком довольным выглядел за ужином Чад, уж слишком гаденько улыбался, поднимаясь по лестнице на второй этаж, где были расположены комнаты его и Авроры, а еще их общая ванная...

То, что он испытывает к ней чувства, далекие от братских,

Рори поняла давно, это вызывало в ней омерзение, как и сама, в принципе, личность Чада, который в колледже имел не самую лучшую репутацию. К счастью, хоть братец был и хитер, но при этом не особо умен и дальновиден, а поэтому иногда попадал впросак, отчего Аврора испытывала мстительное удовольствие. Ну и вообще всегда была начеку, стараясь свести общение с Чадом до минимума.

И вот сейчас девушка прямо-таки на физическом уровне почувствовала: что-то в пространстве ванной не в порядке, не так, как раньше и где-то кроется подвох, причем связан он с Чадом.

Ответ обнаружился быстро – на стене красовались два белых крючка для полотенец, которых вчера тут не было. Совершенно невинные и не вызывающие подозрений крючки, если б не маленькая черная точка посередине каждого, которая при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не элементом крепления, а глазком самой что ни на есть настоящей камеры.

Аврору заколотило от злобы. Подумать только, Чад установил в ванной скрытые камеры, чтобы наблюдать за тем, как она моется! То есть, если бы сейчас она не почувствовала неладное и ее интуиция промолчала, то теперь этот озабоченный придурок преспокойненько подсматривал за ней в душе?

Рори только отодрала крючки от стены, а Чад уже колотил в дверь ванной, что окончательно подтвердило ее догадку.

Девушка хорошенько приложила устройства об кафельный пол, после чего открыла и с милой улыбкой протянула их Чаду.

– Это кажется, твоё?

– Что ты наделала, безмозглая овца! – схватился за голову братец. – Батч убьет меня!

Скуиллер Батч был в колледже личностью во всех отношениях выдающейся – начисто отбитый отморозок, сколотивший вокруг себя компанию себе подобных. Чад у них являлся чем-то вроде шестерки, но постоянно пытался возвыситься и доказать свою крутость.

– При чем здесь он? – нахмурилась Рори, но догадаться было не сложно. – То, что показывали камеры, должно было транслироваться не только тебе, но и ему? Или, может быть, всей вашей гоп-компании?

Судя по тому, какой первосортной бранью Чад осыпал Аврору, так оно и было. Братишка хотел отличиться перед друзьями, но, как всегда, сел в лужу.

Интересно, успели ли Батч и его дружки полюбоваться ее кружевным бельем или нет? Но Чад-то точно видел ее в бюстгальтере!

Авроре стало так противно, что она швырнула испорченные камеры прямо на пол и захлопнула дверь перед носом Чада, оставив его разоряться в коридоре в том миленьком духе, что Скуиллер ей теперь вырвет яичники, отрежет соски и вставит в глотку свой член. Ведь камеры были куплены

на его бабки!

«Прелестно! Как будто мне было мало господина Мадсона, любовницей которого матушка вознамерилась меня сделать, теперь к нему добавился еще и Скуиллер Батч!» – думала Аврора, яростно намыливая шампунем волосы.

Не то, чтобы она боялась Батча, но мало ли что он способен выкинуть в силу своей отморозенности? Хотя, может быть, спрашивать он будет все-таки не с Рори, а с Чада, который все это затеял. И поделом ему! Правда, Чад не упустит возможности свалить все на Рори... Получится у него или нет – вот это вопрос. По всему выходит, что прицепится к ней Батч или нет, зависит лишь только от его настроения.

Но, ей богу, лучше б он не цеплялся, нет... Авроре и приемной мамочки с ее отвратительными намерениями хватит за глаза!

Утро как-то сразу не задалось. Во-первых, Рори проспала, а во-вторых, никак не могла найти тетрадь с домашней работой по высшей математике. Конечно, она могла с чистой совестью наплевать на «вышку» и на учебу в принципе, как это делало подавляющее большинство учеников колледжа, но все-таки старалась учиться хорошо.

Совмещать кабаре и колледж, конечно, было сложно и, если честно, довольно странно. Приемная мать и вовсе настаивала на том, чтобы она бросила колледж, все свои силы сконцентрировав на «Звездном ветре». Но Рори не хотела

всю жизнь быть певичкой в кабаре, своим голосом отрабатывая чьи-то долги. Она лелеяла надежду когда-нибудь вырваться из цепких лап приемной семьи и уехать в столицу. И какое-никакое образование, которое давал колледж, могло в этом помочь. Бригита тоже это понимала, а потому всеми силами старалась отвадить Аврору от учебы. Не исключено, что она и спрятала домашку...

В поисках тетради Аврора перевернула всю свою комнату вверх дном, но та как сквозь землю провалилась – пришлось, скрипя сердце, идти без нее. Позавтракать Рори уже не успевала – нужно было в темпе вальса бежать на остановку, чтобы успеть на трамвай. Самое интересное, в итоге она все-таки не успела, спасибо водителю, который заметил, что она несется, как оглашенная, и подождал ее.

Аврора заняла одно из свободных мест и, вставив в уши наушники, включила арию Каварадосси, но насладиться гармоническим языком великого композитора Джакомо Пуччини не удавалось. Полностью раствориться в музыке мешал чей-то навязчивый взгляд.

Это был парень примерно ее возраста, прямо напротив нее. Как назло, сиденья были расположены лицом к лицу, и девушка не знала, куда деться отнастырного, неотступного взгляда.

Таких обычно зовут странненькими: худой, даже костлявый, в мешковатой куртке с проплешинами и заляпанных чем-то белым джинсах, со спутанными грязными волосами,

неопрятными патлами нависающими на низкий лоб, из-под которого, как угольки, горели глаза. Костистыми пальцами парень мял в руках ремень до крайности потрепанной грязной сумки, не отводя взора от Рори.

Его потрескавшиеся, в заедах и корочках от болячек губы что-то беззвучно прошептали и Аврора не выдержала.

– Что? – переспросила она, выдергивая из уха наушник. – Что вы сказали?

В конце концов, может, у нее зубная паста по щеке размазана или перо от подушки в волосах застряло? Может, это как раз с ней что-то не так?

– Он ее... – пробормотал парень.

– Не поняла!

– Он ее тра-а-ахнет...

– Что? – Рори подумала, что ослышалась.

– Он ее трахнет, – парень ухмыльнулся, обнажив мелкие неровные зубы. – Он идет за ней, она слышит? Девка слышит его шаги?

Рори, которая поднялась со своего места с намерением пересесть, резко обернулась. Какая-то бабулька, сидевшая рядом со странным парнем, посмотрела на нее с таким подозрением, будто Рори у всех на глазах полезла в ее сумку за кошельком.

– Про кого ты говоришь? – стараясь не обращать внимания на старуху, нахмурилась девушка. – Что за девка?

На последовавшей остановке трамвай наполнился

людьми, в основном студентами колледжа, которые ехали на пары. Авроре было неудобно стоять в проходе, ее толкали, а странные, будто обращенные внутрь себя глаза парня вызывали в душе оторопь, но она почему-то не двигалась с места в ожидании ответа.

– Грязная девка, – прошептал он. – Похотливая девка. Будет сосать его член, потом он смочит ее глотку своей спермой, и она раскроется, как цветок!

«Псих!» – с отвращением подумала Рори и стала пробираться к дверям, благо нужная остановка была следующей. Толпа студентов буквально вынесла ее из трамвая, а потом как-то незаметно схлынула, рассосалась, оставив Аврору брести через аллею к крыльцу колледжа почти в одиночестве.

Она постаралась как можно скорее забыть о мерзком попутчике из трамвая – наверное, объявился новый городской сумасшедший, но сердце колыхнулось в груди и пропустило удар, когда, оглянувшись, Аврора увидела одиноко бредущую вслед за ней сторбленную фигуру.

Наверное, в этом не было ничего страшного, а парень вполне безобиден. Не шел же он за ней по пятам с ножом, чтоб прирезать, в конце-то концов!

Просто какой-то странненький мальчик... Просто какой-то странненький мальчик, болтающий отвратительные пошлости. В их колледже кто только пошлости не болтает!

Аврора почти успокоила себя, но вздрогнула и громко

вскрикнула, когда у самых ступеней учебного заведения на нее кто-то налетел и схватил за плечи.

– Ро, да ты чего? Всю ночь в кабаке своем пела и не выспалась, что ли?

Фиолетовая куртка оттенка «вырви глаз», ярко-зеленые гетры, малиновая шапка и канареечные кроссовки – за разглядыванием этого дикого прикида не сразу обращаешь внимание на саму его обладательницу. Розали Карей – самая эксцентричная личность в их колледже и по совместительству подруга Рори.

– Не знаешь, кто это? – шепотом поинтересовалась Аврора, кивнув на парня из трамвая, который в этот момент почти поравнялся с ними.

– Понравился, что ли? – хихикнула Роз. – И твое чувство, похоже, взаимно, он с тебя глаз не сводит!

– Как-то, знаешь ли, я заметила, – прошипела Рори. – Кто он? Ни разу его тут раньше не видела.

– Просто, наверное, не обращала внимания, – пожала плечами подруга, увлекая Аврору к дверям. – Хотя, это странно, все про него знают. Юнас Масти, он учится на предпоследнем курсе и в нашем колледже на правах первого сумасшедшего. Вообще-то паренёк и правда слегонца странноват, ибо разговаривает сам с собой и порой ведет себя неадекватно. Оно и немудрено – Масти из этих, как бишь их... ну секта, которая верит, что буквально на днях ангел тьмы сойдет на землю, всех порешает, наступит конец света и всеобщий то-

тальный капец и все такое...

– Дети Надежды? – Аврора подняла брови.

«Дети Надежды» – небольшая община в их городе, про которую ходило много слухов. У них была своя церковь, свое учение, какие-то свои таинственные ритуалы и каждодневные собрания. Одно время беспокойные жители городка жаловались ее приемному отцу, как представителю закона, на «Детей», он и сам их терпеть не мог, называя чертовыми фанатиками, но многочисленные проверки подтвердили, что ничем противозаконным они не занимаются и «Детей» оставили в покое.

– Они самые! – обрадовалась Розали. – Наверное, пока вы ехали в трамвае, ты настолько приглянулась Юнасу, что он решил втянуть тебя в лоно своей церкви. А что? Станешь одной из деток, сменишь легкомысленные песенки кабаре на религиозные песнопения...

– Вряд мать мне это позволит. Она их церковь по кирпичикам разберет! – заметила Аврора. – Религиозными песнопениями долга господину Фальку не отработаешь.

– А ты отдай натурой... его сынку, – ухмыльнулась Роз.

Они, прижимая к себе верхнюю одежду, ждали, когда наступит их очередь сдать куртки в гардероб.

Раздевалка, расположенная в подвале колледжа, больше всего напоминала склеп. Это было слабоосвещенное холодное помещение с низким потолком, рядами костлявых вешалок, крашенных серой краской, и одной-единственной гарде-

робщицей, имевшей лицо и повадки цербера. Чтобы попасть в раздевалку, нужно было спуститься по извилистой каменной лестнице с узкими ступенями, навевающими мысли о замках, цепях и томящихся в неволе узниках. Или о том, что раздевалка, так же, как, собственно, и все здание, давно требует ремонта.

Аврора машинально посмотрела на Пита Фалька, который в этот самый момент проходил мимо, но тут же покраснела и отвернулась, осознав смысл сказанного Розали.

– Кажется, у кого-то сегодня слишком хорошее настроение!

– А что в этом плохого? – ослепительно улыбнулась подруга. – Питер Фальк ведь далеко не урод!

Уставши ждать, она, совершенно не обращая внимания на возмущенные возгласы, бесцеремонно растолкала очередь и вручила свою ядерно-фиолетовую куртку гардеробщице. Аврора только головой покачала.

Перед звонком на первую пару в коридорах колледжа царил обычный безобразный галдеж.

Выложенный полинявшим от времени линолеумом в желтые квадратики пол, шербатые темно-синие стены, потолок, с которого в некоторых местах сыпалась побелка, серые от грязи стекла, дрожащие в разболтанных деревянных рамах, краска на которых от старости пошла пузырями – Колледж имени Тиудора Адафанса мало напоминал те чистенькие и прилизанные столичные учебные заведения, которые пока-

зывали по телевизору.

К слову говоря, в аудиториях было ещё хуже – очевидно, задание действительно не знало ремонта с тех пор, как в нем учился тот самый Тиудор Адафанс, в честь которого, его, собственно, и назвали. Сей почетный гражданин, которым гордился не только колледж, но и весь их небольшой городок, был знаменит тем, что изобрел какой-то особенный вид удобрений.

Под стать колледжу были и местные ученички: совершенно не боясь руководства, здесь матерились, курили, грызли семечки, дрались – далеко не всем преподам на своих занятиях удавалось сохранить дисциплину.

Но, по крайней мере, нигде не видно Скуиллера Батча в компании ее братца, а это несомненный плюс. С высшей математикой тоже получилось как нельзя удачнее – пожилая преподавательница хорошо относилась к девушке и видела, что она старается учиться, а поэтому отсутствие тетради с домашней работой Авроре легко простила.

На большой перемене голодная Рори потащила Розали в буфет, но ее мечтам о пирожке и чае не суждено было сбыться: по громкоговорителю объявили, что все студенты должны собраться в актовом зале для важного объявления.

Роз легкомысленно заявила, что им повезло – как раз не будет очереди за пирожками, а на важные объявления она плевала с высокой колокольни. Но не тут-то было – буфет оказался закрыт, а около него Аврора с Розали наткнулись на

своего куратора господина Филайпа, который силком погнал их в актовый зал.

Глава 3. Неожиданный визит

В актовом зале, этом сердце колледжа, была сосредоточена вся непрестижность их учебного заведения. Хотя Аврора находила в этой крайней степени старомодности свое очарование.

Был он довольно большой – мест на двести. Допотопные деревянные кресла, на которых так неудобно сидеть, расставлены строго в ряд. Здесь вообще все этакое коричнево-желтое, деревянное – пол с узором елочкой, панели на стенах и само возвышение, которое, собственно, представляло сцену. На деревянной же рейке над сценой, сколько Рори училась в колледже, были приклеены раскрашенные фиолетовой гуашью буквы: «ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПРАЗДНИКОМ!». Наверное, это было очень удобно: буквы относились ко всем праздникам в принципе, и не надо было заморачиваться и красить и вырезать их по-новому к очередному торжеству.

В общем, выглядел зал настолько убого, что это было даже мило.

И сейчас он под завязку был забит студентами, которые заняли не только сидячие места, но и стояли в проходах – духота и галдеж стояли страшные! Аврора и Розали постарались пристроиться поближе к выходу, но куратор, как нароч-

но, пропихнул их в самую толкучку, практически к сцене.

Причина собрания была немножко интересна Рори, и совсем не интересна Роз, о чем подруга не преминула сообщить так громко, что удостоилась гневного окрика куратора и сдавленных смешков одногруппников.

Относительная тишина была установлена в зале на удивление быстро, после чего на сцену торжественно вошла директор колледжа госпожа Эльса Аувинен.

По всему выходило, что директором колледжа должна была быть какая-нибудь престарелая миссис, увлекающаяся вязанием и содержащая в своем доме двадцать кошек, но нет. Эльса Аувинен являлась роскошной блондинкой в самом соку с пышными обольстительными формами, с подчеркиванием которых она порой перебарщивала. Например, однажды директор явилась на работу в трикотажной белой кофте, так плотно обтянувшей ее бюст, что в тот день стены чуть ли не дрожали от бурных и нецензурных обсуждений учениками ее прелестей.

Учащиеся колледжа считали Аувинен неплохим директором хотя бы потому, что ей было абсолютно наплевать и на них и на колледж в целом. А вот ее дочку Крису, которая была ровесницей Авроры и училась с ней в одной группе, откровенно недолюбливали и, честно говоря, было за что. Розали, не стесняясь в выражениях, так вообще один раз прямо в глаза назвала Аувинен-младшую «маленькой лживой сучкой», за что была подвергнута ужасному наказанию.

Ее заставили до блеска отскрести аудиторию по химии, от которой уборщицы шарахались, как от огня. Если б Аврора не помогла подруге, то Роз неделю там копалась. А так они справились за три дня.

– Друзья мои! – между тем начала директриса и Аврора обратила внимание, что выглядит она до крайности возбуждённой. – Все вы имеете честь обучаться в колледже, который носит имя нашего славного земляка Тиудора Адафанса! Наше учебное заведение во всех отношениях замечательное, и, тем более, единственное во всем городе. Но сейчас оно нуждается в помощи! Мы просили у городской администрации выделить средства на улучшение здания, однако, увы, всегда получали в ответ отказ. Честно говоря, ситуация складывалась плачевная, так как колледж требует капитального ремонта. Однако, к счастью, нашелся человек, который хочет проспонсировать нашу горячо любимую альма-матер! Господин Гэбриел Франсон готов выделить средства, чтобы не только сделать капитальный ремонт и оснастить колледж современным оборудованием, но и провести полную реорганизацию и превратить его в элитный пансион, способный конкурировать с лучшими учебными заведениями страны!

Судя по не отягощенным мыслительными процессами лицам половины студентов, они в принципе не поняли, о чем директриса только что поведала. Вторая половина, очевидно, вникнув в смысл ее слов, радостно загигикала, захлопала руками и затопала ногами. Кажется, им хотелось учиться в

элитном пансионе.

А Рори подумала, что после этого оглушающего визга она бы на месте Гэбриела заявила, что берет свои слова обратно и уезжает из города первым же рейсом. Вообще новость оказалась действительно интересной, а стечение обстоятельств любопытным. Неужели брат приемного отца действительно хочет вложить кругленькую сумму в колледж?

– На всю голову отбитый дядечка, – заметила Розали и тут обратила внимание на фамилию. – Слышишь, Аврорка, Франсон? Не родственничек твой случаем?

– Это брат отца, – мило улыбнулась Рори, с удовольствием глядя на вытянувшееся лицо Роз. – Мне он, получается, дядюшка. Правда, неродной, но мои родители всячески любят подчеркивать, что с тех пор, как я вошла в их семью, узы меж нами крепче родственных.

– Дядя миллионер, умереть не встать! И ты молчала! – живо отреагировала Розали. – А он сильно старый? Может, пока суд да дело, он двинет копыта и оставит вам наследство?

– Я сама про него недавно узнала, – пожалала плечами Аврора. – Отец с ним в контрах, поэтому на наследство рассчитывать не стоит. Так же, как и на то, что он двинет копыта...

Роз с искренним сожалением покачала головой, а Аувиен тем временем, заговорщицки понизив голос, продолжила со сцены:

– На самом деле я сказала вам не совсем правду. Господин Франсон еще не принял по поводу нашего колледжа оконча-

тельное решение. Он хочет посмотреть на нас – достойны ли мы его доверия? Господин Франсон, выйдите, пожалуйста, сюда! Я хочу познакомить вас с нашими учениками!

Рори с удивлением поняла, что ее новоявленный родственник все это время находился в зале – скромно сидел с самого краю первого ряда. По просьбе директрисы он действительно поднялся на сцену, чуть улыбаясь, весь такой располагающий к себе и приятный, ни дать ни взять добренький дядюшка, очень положительный и правильный персонаж. В какой-то момент Авроре показалось, что Гэбриел заметил ее в толпе, улыбнулся и легонько кивнул лично ей, но это вряд ли.

И вот что странно, стоило ему взойти на сцену и остановиться рядом с Аувинен, в зале вдруг воцарилась грубоватая тишина, какой на памяти Авроры тут не было тут ни разу, даже когда какой-то прогрессивный приезжий психолог, не разобравшись, бедный, куда его занесло, решил показать ученикам колледжа ролик о половом воспитании.

– Мать моя! – сдавленно прошептала рядом Роз. – И это твой дядюшка? А прикинут-то как, мои глаза! Костюмчик от Умберто Манци, уж поверь, у меня на такие вещи взгляд наметан! Знаешь, сколько одна его рубашечка стоит? Да ему нашу шарагу со всеми потрохами купить, как чихнуть! Заверните мне его, я беру...

Как правило, Розали нравились томные накачанные красавчики с рельефными торсами и длинными волосами, по-

этому ее реакция была очень странной, о чем Аврора подружке и заявила.

– Да ты посмотри! – горячо возразила Роз. – Такое ощущение, что он тебя сейчас трахнет одними глазами. Ходячий секс! Вон Аувиненша как перед ним млеет! Уже потекла, наверное, бедняжка...

Заявления подружки были грубыми и провокационными, Аврора с интересом присмотрелась к Гэбриелу Франсону повнимательнее, однако секса в его глазах не увидела. Зато обратила внимание на кое-что другое. Пока дядюшка мягко улыбался и приятным голосом отвечал что-то директрисе, его темно-синие глаза оставались холодными и колючими, как толстый лед над поверхностью бездонного озера. И где-то на самом-самом дне этого озера Рори почувдилась не просто насмешка, а злой и откровенно издевательский оскал.

А еще Аврора не могла не согласиться с Розали по поводу директрисы: рядом с дядюшкой Эльса Аувинен краснела и глупо улыбалась, попутно пытаясь уверить его в том, что ему у них понравится, он своих денег не пожалеет и вместе они сделают общее благое дело, превратив колледж имени славного Тиудора Адафанса в престижнейший вуз страны!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – тонко улыбнулся Гэбриел, окинув цепким взглядом ряды с ковыряющимися в носках студентами, для которых он в своем безупречном черном костюме явно был кем-то вроде инопланетянина.

На этой многообещающей ноте сцену, как, собственно,

и актовый зал, он покинул, причем у него получилось это сделать совершенно беспрепятственно – толпа потных, изнывающих, что остались без большой перемены, студентов расступалась перед Гэбриелом сама собой. Директриса после его ухода разорялась еще минут десять в том ключе, что они смогут, они должны показать, должны доказать, должны стать лучшими, должны понравиться господину Франсону и тогда всем будет большое-пребольшое счастье.

На этой позитивной ноте уже начавших нехорошо волноваться по поводу затянувшегося собрания учащихся колледжа и отпустили – как раз под звонок на следующую пару.

К этому времени оставшаяся без завтрака и пирожка Рори оголодала настолько, что, бессовестно отпросившись прямо в середине занятия, спустилась в буфет. Пирожки к этому времени там, увы, кончились, и из съестного остались только чипсы с таким ядовитым составом, что хоть святых выноси. Но Аврора была такой голодной, что решила все-таки рискнуть своим здоровьем и чипсы приобрела.

Остаток учебного дня прошел на удивление спокойно во многом, наверное, благодаря тому, что Скуиллер Батч в компании ее братца и остальных своих подпевал в колледж сегодня явиться не соизволил. А Розали, которой Аврора поведала историю со скрытыми камерами в крючках, и вовсе махнула рукой:

– Пфф! Делать Батчу нечего, как к тебе цепляться! Он с Чада за камеры спросит, и правильно сделает! Этому урод-

цу давно пора морду набить! Как у них вообще, интересно, мозгов хватило придумать такой сложный план со спрятанными камерами? И где их взяли?

– Это Чад придумал, я уверена! А достать такие штуки сейчас не проблема – в интернете все, что угодно можно заказать. Мне сколько раз реклама выскакивала!

– Чад тупой, как пробка!

– Но при этом очень хитрый, – заметила Рори, с отвращением добавив. – И на сексе помешанный...

– Довольно парадоксально, что он помешан на том, чего у него никогда не было и не будет! – Роз захохотала так злобно и заразительно, что Аврора присоединилась к подруге.

Последнюю пару отменили, и Аврора вернулась с занятий намного раньше, чем должна была. Мать, отец и даже Чад (который, кажется, вообще не выходил сегодня за порог), к сожалению, были дома, поэтому у нее наметился теплый долгий вечер с семьей, так как ни выступление в кабаре, ни репетиция сегодня не намечалась.

Поэтому Аврора решила посвятить большую часть вечера расчистке дорожек и, вооружившись большой лопатой, вышла в заметённый снегом сад. Это было со всех сторон верное решение – посидеть в одиночестве в своей комнате ей все равно бы не дали, а тут она и полезность для своего дорогого семейства сделает, и разомнется на свежем воздухе – красота!

Сдвинув на затылок черную вязаную шапочку, раскрас-

невшаяся на легком морозце Аврора споро работала лопатой, разгребая снег не только на центральных дорожках, но и на тропинках, которые вели вглубь сада. Это было совсем необязательно, зато помогало занять время. Когда она закончит, совсем стемнеет и придет время ужина. А после него уже можно укрыться в своей комнате – вряд ли ее будут дергать.

Рори так увлеклась, что аж жарко стало. Она хотела было снять бушлат, но благоразумно удержалась от этого – в одном свитере запросто можно простыть! Кстати, этот самый бушлат, в котором работала Рори, был во всех отношениях замечательной вещью. Старый-престарый, потертый-препотертый, когда-то он был частью зимнего комплекта формы приемного отца, но сейчас все нашивки и шевроны с него были бессовестно содраны. Авроре не особо хотелось надевать на себя вещь, которую когда-то носил Азриэль Франсон, но особого выбора не было. Свою собственную куртку в саду она могла испачкать или порвать. А эту хоть не жалко!

– Такое рвение к труду достойно похвалы, – услышала Рори вдруг и от неожиданности зачерпнула лопатой неприподъемную кучу снега. – Не боишься застудить связки?

Около калитки стоял новоявленный дядюшка собственной персоной. Держа руки в карманах расстегнутого черного пальто, Гэбриел Франсон улыбался так, будто не было для него счастья в этой жизни большего, чем лицезреть запыхавшуюся Аврору в старом потертom бушлате и с лопатой напе-

ревес.

Странно, вроде приемная мать не говорила, что сегодня у них будут гости. Иначе бы она уже давно весь дом с ног на голову перевернула – Бригита отчаянно хотела не ударить в грязь лицом перед богатеньким родственником и оказать ему по-настоящему душевный прием.

– Вряд ли они в опасности – не так уж сегодня и холодно, – ответила Рори, выпрямившись и отводя со лба прилипшие к нему волосы.

– И все же я на твоём месте был более осторожен, – отозвался дядя, и Рори почудилось, что он вкладывает в эти слова какой-то свой, только ему понятный смысл. – Твои приемные родители дома?

Он так и сказал: «приемные» и Рори обратила на это внимание. Слово было бесцеремонным, никому из окружения девушки в голову бы не пришло сделать это уточнение, но именно так Рори всегда называла Франсонов про себя.

– По-моему, к вашему визиту они не готовы, – проговорила Аврора.

– Я имею одну отвратительную черту – появляться неожиданно-негаданно, – доверительно сказал дядя Гэбриел, подходя к ней ближе. – Но, по-моему, в этом случае радость от встречи более живая и неподдельная...

– Или вам просто нравится заставлять людей врасплох... – Рори пожалала плечами и почему-то отвела взгляд.

Розали, разумеется, сморозила ерунду, когда сказала кое–

что совершенно неприличное про глаза ее новоиспеченного дядюшки, но в одном она была права – что-то в них было. Что-то такое... Слишком чистые, яркие и пронзительные. Ему хотелось верить. Хотелось довериться и выложить всю свою подноготную. И это внушало неприятное чувство уязвимости.

– Почему бы и нет? – Гэбриел усмехнулся уголком рта. – Как ты там пела в своей балладе? Чьи помыслы чисты, а сердце светло, навадник с пути не собьёт, а остальным туда и дорога, не так ли? Забавное, кстати, слово «навадник», старинное. Знаешь, что оно означает?

– Подстрекатель, искуситель... Конкретно в этой балладе это синоним дьявола, – проговорила Аврора, не в силах оторвать от него взгляда. – Не думала, что вы знаете эту балладу...

– Мне нравится ее гармония, – заметил дядя. – Для баллады она довольно сложна, но в этом вся прелесть. Люблю все необычное, есть за мной такой грешок. Жаль, что исполнила ты ее не так хорошо, как могла бы со своими данными.

– Даже не знаю, принять это как комплимент, или наоборот, нарекание? – Рори замечание разозлило, но она изо всех сил постаралась этого не показать.

Ну, разумеется, как она могла забыть, что Гэбриел Франсон, мало того, вероятный спонсор колледжа, где она учится, так еще и крутой столичный продюсер, который, побывав вчера в кабаре, будет оценивать ее выступление с профес-

сиональной точки зрения! Может быть, он вообще подумал, что Рори теперь будет перед ним заискивать и просить, чтоб он занялся ее продвижением?

– Как комплимент, разумеется... – он приблизился к ней еще на несколько шагов, не отрывая темно синих глаз, и ей вмиг сделалось не по себе. – Зато мне понравилось твое платье с самодельными крыльями. Так по-провинциальному трогательно. Ты действительно была похожа в нем на ангела... Рыжеволосого ангела. Хотя я всегда полагал, что они все поголовно блондины, как считаешь?

Его взгляд... И эти слова про ангела...

Она ощутила приступ дурноты. Где-то в глубине сознания, глубоко-глубоко внутри Аврора различила едва слышное пение, действительно напоминающее хрустальные голоса ангелов. Испуганных ангелов, которые заблудились в крошечной тьме...

– Я провожу вас в дом! – резко перебила Аврора и отвернулась, избегая смотреть на этого странного человека с его странным разговором.

В то же мгновение все смолкло, так же, как без следа схлынуло отвратительное чувство обреченности, несколькими секундами раньше заполнившее Аврору – целиком, без остатка.

Что это было?! И было ли вообще?

– Буду бесконечно тебе благодарен, – донеслось из-за спины.

Нужно было видеть вытянувшиеся лица приемных отца и матери, когда вслед за Рори в прихожую ступил Гэбриел, улыбающийся так обаятельно и просто, что Аврора засомневалась – был ли в действительности этот короткий и мутный разговор на расчищенной ею от снега дорожке, ведущей от ворот к крыльцу?

Но надо отдать Франсонам должное – они справились с собой довольно быстро и их лица засверкали радостными, искренними улыбками. Азриэль кинулся к брату обниматься, а Бригита принялась причитать, что он не сообщил заранее о своем визите, и у нее не убрано, и ужин приготовлен самый простенький, а она хотела угостить его чем-нибудь эдаким, изысканным!

На это Гэбриел заявил, что изысканное его, наоборот, утомило, и он будет рад самой простой пище, а, главное, тихому и уютному вечеру в теплом кругу семьи брата. В этих словах прозвучала такая откровенная издевка, что Аврора тихонько покачала головой, видя, что Франсоны приняли все за чистую монету.

А после ее приёмная мать развила такую бурную деятельность, что Аврора только диву далась. Под ее чутким руководством Рори быстренько прошлась с влажной тряпкой по гостиной, затем сбегала в магазин за сыром и миндалем, а затем была на подхвате, когда Бригита на скорую руку готовила свое коронное блюдо – миндальный пирог с черникой.

Рори и оглянуться не успела, как оказалась за накрытым к

ужину столом напротив самого дядюшки Гэбриела, который не уставал нахваливать кулинарные способности ее приемной матери. И похвала эта, надо сказать, была Бригитой заслужена на сто процентов: из совершенно обычных продуктов она за какие-то двадцать минут соорудила самые что ни на есть аппетитные закуски, не хуже, чем из кухни самого изысканного ресторана – не только по виду, но и на вкус.

Приемные родители лисами крутились вокруг Гэбриела, подкладывая ему лучшие куски и окружая гостя трогательной заботой, что на его месте Аврора бы прослезилась от такого проявления семейственности. Отец (который не далее как вчера называл брата уродом и сволочью) с умиленной ностальгией вспоминал моменты из их детства и юности, а мать не уставала интересоваться нынешней жизнью деверя. Проняло даже Чада – он выступал на подпевках у матери с уточняющими вопросами и простодушными восхищениями.

Но несмотря на четкую и слаженную работу по окучиванию столичного родственника ансамблем Франсонов, дядя Гэбриел каким-то образом поворачивал разговор так, что не сообщал о своей жизни практически ничего, в то время, как приемные родители рассказывали о себе все. Дядя обмолвился только, что у него свой продюсерский центр, но это не единственный его бизнес. Рори испугалась, что, почуяв тут выгоду, мать станет намекать, что «а вот Авророчка у нас поет, она такая талантливая, такая талантливая», но Бриги-

та молчала. Очевидно, пение Авроры в «Звездном ветре» ее полностью устраивало.

Как оказалось, дядя Гэбриел принес с собой бутылку вина (хотя, когда Рори увидела его у калитки, никаких свертков у него не было, и в руках он ничего не держал), которое Бригита решила подать к десерту.

Приборы – то есть пузатые бокалы на тонких ножках, она поставила перед всеми, включая Чада, но Аврору обошла стороной.

– Мне кажется, ничего плохого не случится, если девочка выпьет бокал хорошего вина, – обратил на это внимание Гэбриел. – Элуа Ланри, 1964 года, лимитированная серия. Из-за плохих урожаев и нашествия филлоксеры в тот год было выпущено всего четыреста бутылок. Эксперты оценивают его вкус как божественный... Сорок тысяч крон за бутылку.

– Сорок тысяч крон? Да ты рехнулся! – воскликнул Азриэль с благоговением.

– Спасибо... дядя Гэбриел, но я не хочу, – перебила Рори, искоса взглянув на приемную мать, которая как ни в чем не бывало, раскладывала по тарелкам черничный пирог.

Промолчи, пожалуйста! Ведь тебе нет необходимости комментировать, действительно нет! Аврора отказалась, добрый дядюшка не стал настаивать – инцидент исчерпан, ведь так?

– Ах, Гэб, дорогой, если бы ты знал, то, конечно же, согласился, что этой девушке нельзя давать в рот и капли спирт-

ного, – проговорила приемная мать, скорбно поджав губы.

Закусив губу, Аврора до боли стиснула пальцы под столом, на коленях, застывшим взглядом уставившись в свою тарелку. Из аппетитного, исходящего ароматным черничным соком куска полезли жирные черные жуки.

– У девочки дурная наследственность, ведь ее родители были алкоголиками! – обращаясь только к дяде, проговорила Бригита, но за столом было четко слышно каждое ее слово. – Известная в Гарвен-Гроув семейка – там такой притон был, вся округа к Азриэлю жаловаться бегала! Пили беспробудно, да и ходили к ним всякие... Я даже не удивлюсь, если мамаша ее не от муженька своего непросыхающего родила, а от кого-нибудь из собутыльничков! Поговаривают, она со всеми путалась, кто пузырёк ей ставил! А потом и сбежала с очередным своим хахалем! Я еще удивляюсь, как при такой-то мамочке Аврора родилась не дауном. Если честно, мы долго боялись отклонений в развитии, да и сейчас регулярно проверяем ее у врачей. При таких-то генах!

В ушах шумела кровь, и она никак не могла сделать вдох.

С прилипшим к горлу дыханием Аврора хотела подняться из-за стола, но все было, как в тумане. Не рассчитав движение, Рори случайно зацепила скатерть и та резко дернулась за ней. Открытая бутылка Элуа Ланри, лимитированная серия урожая 1964 года, опрокинулась на белоснежное полотно и разбилась, обогрив его рубиновой жидкостью, источающей терпкий запах чернослива и ванили.

В свете этого трагического события о принадлежавшей Авроре тарелке с пирогом, которая шлепнулась на паркет, разлетевшись вдребезги, можно было даже и не упоминать.

– Что ты наделала, дрянь? – закричала Бригита Франсон в ужасе. – Ты разбила бутылку за сорок тысяч крон! Сорок тысяч крон, ты хоть это понимаешь, идиотка безрукая? Я тебе говорила, Гэб, говорила, что у нее плохие гены? Полюбуйся, полюбуйся на нее! Вся в своих папочку с мамочкой! Мы же теперь не расплатимся с твоим дядей, слышишь, гадина?

Шум в ушах становился громче, и Рори слышала причитания приемной матери отдаленно, как сквозь вату.

– Извините, – сказала она невпопад и повторила. – Извините!

И, больно ударившись локтем о ручку двери, бросилась из гостиной прочь.

Практически не соображая, что делает, Аврора в одной тонкой майке и джинсах выбежала на крыльцо и, обняв себя руками, невидящими глазами уставилась в сплетение голых ветвей тонущего в ранних сумерках сада. Эти ветки казались ей колючими, крючковатыми, похожими на заросли дремучего леса, какую-то фантастическую изгородь, непроходимый забор, окружающий мрачный заколдованный замок, из которого нет выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.